

...Утром Вик проснулся раньше. Полюбовавшись на спокойно сопящую носиком поняшу и отдав несколько команд автоматике дома, парень отправился в душ. На кухне зашевелились манипуляторы, включилась пневмодоставка и тостер. Виктор этого не слышал, но знал, что к тому времени, как он выйдет из душа, завтрак уже будет ждать, вместе с чашкой крепкого и бодрящего кофе.

Как и всегда.

Парень улыбнулся своему отражению в зеркале. Если подумать — ничего особенного. Обычный молодой человек лет двадцати, с правильным лицом и ещё не до конца исчезнувшими детскими чертами.

В последнее время что-то изменилось.

Виктор вглядывался в зеркало, пока нужная мысль не осенила.

Глаза.

В серых глазах, доставшихся от отца, появилась весёлая искорка, как будто осветившая всю жизнь, сделав её цветной.

И он знал, откуда та взялась. Будто часть ярких красок Эквестрии окрасила мир невиданными доселе цветами. И какой же серой казалась вся предыдущая жизнь теперь, когда в гостиной сладко посапывал на диванчике цветастый комочек!

Струи тёплой воды и приятные мысли о целом дне в обществе Лир заставили Вика мурлыкать какую-то песенку. Вплоть до тех пор, пока её не оборвал звук открывающейся двери.

Сладко позевывая, одетая в тунику пони вошла в ванную.

— Лира?! — воскликнул Вик, не находя других слов и инстинктивно запахивая занавеску душа.

Рог единорожки осветился, и в умывальник полилась вода.

— Угу, — ответила она, — Доброе утро. У тебя найдётся зубная щётка?

— Лира, я тут моюсь, вообще-то! — наконец, совладал с собой Виктор.

Пони осталась невозмутимой.

— Ну и что? — спросила она, копытцами зачерпывая воду и брызгая на мордочку, — Мне душ

пока не нужен, я тебе не помешаю...

Зрелище умывающейся пони, возможно, наполнило бы сердце Виктора умилением, но ситуация была до абсурда неловкой.

— Лира, ты помнишь, что я говорил насчёт ношения одежды?

— Помню, — улыбнулась единорожка и посмотрела на прикрывающегося занавеской человека, — Без одежды нельзя ходить... так я одета. А ты в душе. Или в душе тоже надо быть одетым? Хи-хи-хи!

— Лира, у людей неэтично наблюдать наготу других...

Взгляд единорожки на мгновение стал удивлённым, а потом на мордочке заиграла озорная улыбка.

— Только не спрашивай почему, хорошо? — спросил Вик.

Золотые глазищи прищурились.

— А ты меня видел без одежды! — парировала Лира.

Виктор в отчаянии прикрыл лицо ладонью.

— Просто выйди, хорошо?.. — выдохнул он.

Дверь захлопнулась. Виктор перевёл дух. А он-то думал, будет легко... Но видимо, создатели поведенческой программы не могли учесть всего. Особенно для версий серии «EQ», когда у пони были во многом отличные от людских нормы морали.

С другой стороны, Лира пока воспринимала окружающий мир на удивление спокойно. И человеческую агрессию, и ту часть истории, где люди воевали друг с другом... Впрочем, на волне восторгов от попадания в мир мечты могло быть что угодно, да и подробностей в научно-популярной программе для детей не было.

«Не сглазить бы», — подумал парень, выключая воду и беря с крючка огромное махровое полотенце.

— Ви-ик! — донеслось из комнаты, — Твоя кровать сама собой застелилась и прищемила мой хвост!

В голосе пони слышались нотки нешуточной паники. Виктор даже не знал, смеяться ему или можно начинать стонать. В таких смешанных чувствах он надел халат и направился на помощь...

* * *

Лира умудрилась попасть хвостом в автоматическую кровать, когда та, в отсутствие хозяина, решила перейти в режим ожидания. В результате волосы хвоста оказались зажаты между модулями, и Вику пришлось, сдерживая улыбку, освободить пони из плена.

— Вообще, тут всё подчиняется голосовым командам, если помнишь, — объяснил Виктор несколько позже, ведя Лиру завтракать.

— Прости, я забыла, — засмушалась единорожка, — я... не доставляю неудобств?

— Конечно, нет, — ответил человек, подводя пони к столу, — вот, смотри, это тебе.

Спустя некоторое время они сидели за столом и за обе щеки уминали завтрак. Вик решил сделать сэндвичи, Лире же достались тосты с джемом.

— А что ешь ты? — спросила вдруг единорожка, очевидно, обратив внимание на разницу в начинке.

— Сэндвич.

— Я тоже хочу попробовать, — решительно заявила Лира.

И прежде чем Вик успел ответить, один из бутербродов окутался мягким сиянием и отправился в рот единорожки.

— Хм... а неплохо, — сказала та, откусив и прожевав кусочек, — А чего ты мне не предложил?

Вик чуть не подавился:

— Это... кхм... вредно для пони... вот.

Взгляд Леры снова стал лукаво-озорным.

— Да брось, всё вкусное вредно, — хихикнула она и с аппетитом вгрызлась в сэндвич, — М-м-м, оливочка!.. Что там такого может быть?

— Лера, там колбаса!

— Чего?

— Она делается из... — Вик поколебался секунду, но всё же закончил, — мяса.

Глаза пони выпучились так, что казалось, хотят сбежать из глазниц. Она постепенно перестала жевать...

— Чьего?! — сдавленным голосом спросила она.

— Ну... свинина, говядина. Искусственная, правда, натуральную люди уже давно не употребляют...

Договаривал он уже вслед уносящемуся хвосту. Спустя мгновение со стороны туалета послышались звуки выворачиваемого желудка.

«Ну вот, — подумал Виктор, — отравил поняшу...»

Он вскочил из-за стола и достал аптечку. Подумал, не включить ли медицинский модуль, но решил, что рано.

Потом в памяти всплыли строчки инструкции. Предписывалось кормить пони растительной пищей, в том числе сеном и цветами, которые продавались в специальных брикетах. Так же рекомендовалась выпечка и кондитерские изделия: сахар являлся одним из главных источников энергии, и потребляли его пони просто в огромных количествах без малейшего вреда для здоровья.

Предполагалось, что мясо пони и сами есть не будут. Но что делать, если получилось случайно? Вик уже подумал было о звонке в биослужбу БРТО, когда Лера вернулась. На мордочке застыли капли влаги от недавнего умывания, а жёлтые глаза глядели с укоризной.

— Как ты? — спросил Вик.

В его сердце боролись два чувства: беспокойство о здоровье поняши и желание улыбнуться при виде мокрой и ошарашенной мордочки.

— Всё нормально, — сказала Лира, — меня просто замутило от мысли, что я съела... кого-то.

Вик снова испытал двойные чувства. С одной стороны, облегчение насчёт самочувствия пони, а с другой — теперь придётся многое запоздало объяснять.

— Лира, в нашем мире ни коровы, ни свиньи не обладают разумом... — решил он начать.

Пони снова села за стол. Чашка с чаем засветилась и плавно подлетела к губам пони. Лира сделала несколько глотков и снова уставилась на человека.

— А если бы кто-то ел человека, не обладающего разумом, как бы ты себя чувствовал? — спросила она.

— Мясо уже лет сто выращивают искусственно. В банке. Просто мышечная ткань, больше ничего.

Виктор чувствовал себя неловко. Звучало так, будто он оправдывается, хотя никаких объективных причин для этого не было.

— Всё равно это мерзко!

— Ну Лира, пойми, люди — всеядные существа, нам нужен животный белок. Мы не можем как пони — на фруктах и выпечке. В конце концов, не мешает же пони общаться с грифонами то, что они в своих горах охотятся?

Пони хотела что-то возразить, но осеклась. Действительно. Народ грифонов, хотя и не находился с Эквестрией совсем уж в дружеских отношениях, но часто проявлял себя с самой лучшей стороны. Насколько Лира знала, принцесса Селестия и император грифонов делали немало для сближения народов. И то, что гордые кошкотицы у себя на родине употребляли в пищу мясо, совершенно не делало грифонов чудовищами.

— Наверное, я слишком... строга к людям, — вымученно улыбнулась единорожка, — и меряю всех понячьими мерками. Просто понимаешь, когда кого-то идеализируешь...

Лира не договорила и посмотрела Виктору в глаза. Тот мысленно перевёл дух. Зная о не слишком надёжной поведенческой программе, он старался не подвергать поняшу излишним стрессам. Например, от неприглядных страниц человеческой истории хотелось её оградить как можно дольше. Думая над этим, про мясо Вик даже не вспомнил.

— Я понимаю, — сказал Вик, — Мы, люди, и вправду далеко не идеальны. Мясо едим, ссоримся... Ты себя хорошо чувствуешь?

— Ага, — ответила Лира и снова взялась за тосты с джемом, — Это я... просто от шока, наверное. Как это... психосоматика, во.

Вик счёл инцидент исчерпанным и решил сменить тему:

— Лира, я после завтрака хотел дать тебе послушать человеческую музыку. Что скажешь?

Пони прожевала тост и ответила:

— Звучит соблазнительно. А на чём ты играешь?

— Ни на чём. У меня есть записи. К тому же, чтобы нормально сыграть лучшие произведения живую, понадобится целый оркестр. Ну или как минимум, группа.

— Знаешь, чем меня заинтриговать, — заулыбалась пони.

...Через небольшое время в квартире Виктора раздался рёв басов и грохот барабанов.

Лира попросила включить лучшее из того, что слушает сам Вик, и тот на радостях врубил то, что сопровождало его походы по виртуальности: несколько нестареющих хитов тяжёлого рока и кое-что из современного, лупящего по ушам уже на средней громкости.

На экране в мерцающем свете стробоскопов извивались покрытые чёрной кожей и металлом люди, сжимающие в руках инструменты с шипами и лезвиями. И не только люди. По ударной установке молотил что есть мочи зеленокожий орк, а по струнам гитары гуляли когтистые лапы крылатого человека с птичьей головой.

То ли синтетты, то ли модификанты — люди, что предпочли изменить себя до неузнаваемости.

Развитая генная инженерия позволяла почти полностью спроектировать собственное тело. И даже некоторое поражение в правах и множество протестных движений не останавливали приверженцев «улучшений тела».

Но большинству обывателей было наплевать на тех, кто хотел потерять человеческий облик и щеголять шерстью, чешуёй, крыльями или ещё чем. Презрительная кличка «генофрики» как нельзя лучше характеризовала отношение общества ко всем модификантам.

Виктор любил тяжёлую музыку ещё когда был подростком. Диссонансный гром, издаваемый нещадно терзаемыми инструментами, заставлял адреналин бурлить в крови, а мрачные мысли — в панике бежать.

Но лишь стоило любимой музыке сотрясти воздух квартиры, Виктор заметил, что мятно-зелёные ушки пони жалобно прижались к голове. На мордочке же появилось выражение, какое обычно бывает при острой неожиданной боли.

Виктор сделал оглушительный рёв потише и спросил:

— Тебе плохо?

Лира, казалось, смущена:

— Да нет... Это похоже на музыку, которые играют молодёжные группы грифонов. Впрочем, после мяса в еде я не удивлена.

— Сделать потише?

— Очень... тяжело. По ушам бьёт. А у людей есть музыка поспокойнее?

Виктор мысленно дал себе по лбу, но нашёл силы улыбнуться и сказать:

— Конечно! У нас полно академической музыки, например. Похоже на то, что играет... как её... Октавия Мелоди!

Мятные ушки снова встали торчком.

— Вот это куда лучше! — улыбнулась единорожка, — Я всегда любила музыку в исполнении этой пони.

Виктор выключил медиацентр и сказал:

— Знаешь, можно слушать классику дома, но я думаю, что можно просто сходить... в оперу, к примеру.

Жёлтые глаза загорелись живым интересом, и парень мысленно поздравил себя с удачей. Он решил развить успех:

— Помнишь, в научно-популярной передаче рассказывали про старую Мегполис-оперу в Нью-Йорке? Вот, новая опера сделана по её образцу. Я посмотрю, что там сегодня.

— Идёт!

— Тогда надевай костюм... Или платье. Мы летим в оперу!

Восторженная Лира ускакала прихорашиваться, а Вик сел за монитор и заказал билеты.

Что ж, если бы поняша любила ту же музыку, это было бы слишком идеально. С другой стороны, классику Вик и сам слушал время от времени. По крайней мере, её осовремененную версию.

Подумалось вдруг, что этот поход в оперу — первый выход Лир на улицу вообще и в обществе Виктора в частности.

Терзаемый сомнениями, парень уточнил, можно ли синтетам в Гигаполис-оперу. Оказалось, можно, хотя и с небольшой комиссией на билет. Не желая ловить ничьи косые взгляды, Виктор заказал отдельную ложу. Как выяснилось, опера давала и дневные сеансы, и на один из них Вик и Лира как раз успевали.

Виктор уже было повернулся позвать Лир, но дверь в кабинет открылась, и пони сама появилась на пороге.

Сказать, что выглядела единорожка ослепительно, означало не сказать ничего.

Белоснежное платье с умеренным количеством блёсток, изящные туфельки, выверенные лучшими дизайнерами «Хасбро», декоративное, отделанное золотистым узором седло и изящный обруч на голове, поддерживающий сложную причёску. И как она умудрилась всё это сделать за те несколько минут, что Вик заказывал билеты? Без телекинеза тут явно не обошлось.

— Как я выгляжу? — спросила Лира и встала в кокетливую позу, помахав ресницами.

Виктор, поймавший себя на том, что смотрит на пони с раскрытым ртом, спешно вернул челюсть на место и сказал:

— Просто бесподобно! Хоть под венец. Тебе... невероятно идёт белое.

Пони опустила взгляд и снова трогательно покраснела:

— Тогда... я готова.

* * *

Флаер привёл Лиру в полный восторг. Каплевидная машина с двумя двигателями по бортам, не слишком новый «Лайтнинг» седьмой серии. Когда фонарь кабины закрылся, и городской квартал плавно ушёл вниз, поняшу было не оторвать от стекла.

Опера Европейского Гигаполиса произвела на пони неизгладимое впечатление. Огромный дворец из стекла, сверхплотной стали и голографических миражей возвышался сияющей даже в свете дня горой в центре обширного парка. И хотя внутреннее убранство было выполнено в стиле не устаревающей классики, снаружи архитекторам ничто не помешало придать зданию оперы плавные изгибы и сверкающие поверхности фантастического звездолёта, спустившегося из неведомых далей. В небольших башенках наверняка скрывались проекторы голограмм, что подсвечивали величественное сооружение разноцветным мерцанием.

Флаеры кружили вокруг, приземляясь на стоянку, чтобы высадить пассажиров и тут же улететь, давая место следующим. Виктор тоже подвёл машину к площадке, галантно подал Лире руку, и та в лучших традициях Кантерлота приняла помощь, оперевшись на ладонь человека передней ногой. Жёлтые глаза горели от восторга. Одно дело было видеть колоссальные конструкции по визору, и совсем другое — вживую, собственными глазами.

Строгие костюмы и платья, пышные наряды и подчёркнуто-строгие перемешались в шумной, хотя и не слишком суетливой толпе любителей традиционной культуры.

Лира всю гладела по сторонам. Виктор тоже, но по другой причине. Он старался первым заметить косые взгляды на пони в платье, что цокала по дорожке рядом. Но людям, по счастью, было как будто всё равно.

Вик даже заметил, что какую-то даму в пышном платье сопровождает остроухий эльф. А молодой человек в дорогом костюме вёл под руку голубокожую девушку, у которой вместо волос были загнутые назад неподвижные щупальца. Конечно, это могли быть модификанты, но насколько Виктор знал, это движение было не слишком популярно в Белом городе.

Хотя, положив руку на сердце, Вик чувствовал бы себя куда лучше, если бы увидел ещё хоть одну пони. Ту же Октавию. Но нет, фантастических существ было совсем мало. А если среди зрителей и присутствовали синтеты, то гуманоидные, на первый взгляд неотличимые.

На входе благообразный пожилой мужчина во фраке провёл над головой Лире сканером. Тот ожидаемо выдал синий сигнал и краткую информацию о владельце синтета.

— Она со мной, — сказал Виктор.

Служащий бросил на пони неодобрительный взгляд, но та не смутилась. Сделала книксен передними ногами и поздоровалась:

— Добрый день, сэр.

Взгляд сделался удивлённым на короткий миг, но служащий быстро совладал с собой и вручил Виктору заказанные билеты. По традиции в культурных заведениях, несмотря на регистрацию мест в сети, билеты дублировали на бумаге. Если быть точным — на волоконном полимере, хотя на ощупь разницы и не было.

— Виктор Стюарт и... эээ... Лира Хартстрингс? Отдельная ложа?

— Да, это мы, — сказал Вик, — Спасибо, сэр.

Они прошли по заполненным людьми коридорам, сделавшим бы честь любому дворцу: позолоченная отделка, пышные драпировки и картины, изображающие сцены из бессмертных произведений классики.

К своему стыду, Виктор практически ничего не узнавал и надеялся, что Лира не будет спрашивать. Но та была слишком впечатлена и взволнована в предвкушении грядущего действия.

Когда пони и человек устроились в удобных креслах, Виктор успокоился. Никто ничего не говорил по поводу присутствия пони. Та, усевшись по-человечески, в очередной раз огляделась и сказала:

— Мне здесь уже нравится. Даже красивее, чем в Королевской опере Кантерлота! Да что там, вся Королевская опера может тут в уголке поместиться!

Вик испытал приступ незаслуженной гордости.

— Да уж, размаха было не занимать, — ответил он, — Когда строили новую Гигаполис-оперу, рассчитывали на десять тысяч зрителей и при этом старались соблюсти традиции оперных залов.

— Вик, это так напоминает мне дом! Только не Понивиль, куда я переехала, а Кантерлот. С его чопорностью и важностью...

— Я считаю, получилось просто грандиозно.

— Согласна... я себя чувствую такой... маленькой!

Виктор рассмеялся. Ему очень захотелось взъерошить поняше гриву, но было бы жалко портить великолепие причёски.

— Ты и есть маленькая, — сказал Виктор, потом добавил: — Маленькая пони в огромном мире людей...

Пони не обиделась, хихикнув в копытце:

— Вик, мы что, в... королевской ложе? — спросила она, — Тут только два роскошных кресла, будто специально для коронованных особ...

— Нет, — ответил Виктор, — просто отдельная ложа с регулируемым количеством мест.

— А... где тогда королевская?

Виктор рассмеялся:

— Королевской нет, в отсутствие королей вот уже лет триста. Есть просто отдельные ложи, а есть вип и даймонд-вип. Они выше.

Лира задрала голову и увидела несколько десятков богато одетых человек, что пока не смотрели на сцену, дожидаясь начала. Её взгляд случайно пересёкся с какой-то дамой, что обмахивалась веером. На её красивом надменном лице промелькнуло выражение презрения, глаза недобро сверкнули из-под длинных ресниц.

Дама отвернулась, отгородившись веером от взгляда пони.

Лира, которой от такого стало не по себе, перевела взгляд повыше и увидела, как одетый в элегантный костюм мыш с человеческими пропорциями тела усаживается в кресло. По краям от него встало двое шкафоподобных охранников в тёмных очках, с квадратными челюстями и короткими стрижками. Костюмы сидели на них плоховато, их образ скорее ассоциировался с доспехами или мундиром.

Вид у этого мыша был странный: ровные, круглые уши, какие-то несерьёзные черты мордочки... В принципе, выглядело довольно мило, но Лире казалось, что большие глаза глядят как-то совсем не по-доброму.

Мыш тоже встретился взглядом с единорожкой, но в отличие от женщины слегка улыбнулся и вежливо кивнул, после чего повернулся к сцене. Он что-то сказал, но видимо обращался к телохранителям, и на таком расстоянии было, конечно, не разобрать.

Лира уже хотела спросить Виктора, но раздалась нарастающая волна аплодисментов, а свет начал гаснуть.

В этот день в Гигаполис-опере давали «Аиду», ставшую бессмертной классикой ещё века назад.

Конечно же, время накладывало свой отпечаток, но изменения в действиях и словах непоправимо столкнули бы оперу с пьедестала классики в бескрайнее болото того, что принято называть авангардом и современной культурой. Единственное, что позволялось строгими критиками, были умеренные спецэффекты вроде погоды и голографических субтитров, что вспыхивали над разворачивающимся действием. Традиция предписывала исполнение на итальянском языке, в Европейском Гигаполисе бывшем в ходу только в южных районах и субрайонах...

...Через некоторое время Лира наклонилась к Вику и прошептала:

— Их костюмы и декорации напоминают мне Камелу.

Виктор смутно припомнил название страны верблюдов из шоу и спросил:

— Ты там была?

— Нет, видела в книге. Какое сходство! Только с древним Камелу, когда там ещё были города зебр.

Лира с интересом наблюдала и слушала неизменную в веках историю об истории любви и предательства. Вик, периодически бросая на пони взгляд, испытывал полнейший восторг. Конечно, в инструкции были слова о том, что данная пони «любит музыку». Но, как оказалось, вопрос был со своими тонкостями.

Когда зажёгся свет и зрители потянулись в буфеты или на обзорные галереи, Лира тут же начала делиться впечатлениями. Вполуха слушая весёлый понячий щебет, Виктор подумал, что точно так же вела бы себя самая обычная девушка, выросшая вдалеке от помпезности и роскоши Белого города.

— Ты совсем не слушаешь! — вдруг воскликнула пони обиженным голосом.

Виктор, с лица которого моментально слетело мечтательное выражение, ухватился за соломинку:

— А вот и буфет! — объявил он, пропуская пони вперёд.

Та, стрельнув глазами, проследовала в ярко освещённое кафе. На мордочке застыло обиженное выражение, которое быстро сменилось прежней восторженной улыбкой при виде изысканного изобилия.

— Пироженки! — воскликнула пони и чуть ли не вприпрыжку подбежала к прилавку.

Благодаря нескольким продавцам, очередей почти не было. Виктор, по выбору единорожки накупив всяких сладостей, с благодушной улыбкой проследовал за столик. Когда он сказал, что Лира может взять всё, что захочет, та тут же налетела на мороженое, пирожные и конфеты.

Конечно, можно было сказать, что сахаром все синтеты-вегетарианцы набирают энергию для умственной деятельности и работы энергоёмких органов. Вроде рогов единорогов, крыльев или ещё чего-то подобного. Но Вик решил считать, что все пони просто невероятные сладкоежки.

Они вдвоём сели за столик, и пони, изо всех сил стараясь не торопиться, принялась уплетать нежные сладости. Вопреки её усилиям, блюдо быстро пустело.

Случайный взгляд в сторону чуть не заставил Виктора вскочить. Какая-то дама, презрительно скривив губу, что-то цедила своему спутнику, показывая рукой в сторону Вика и Леры. Мужчина только отмахивался, раз за разом прикладываясь к стакану с виски, но пару раз бросил взгляд, привлечённый весёлым хихиканьем Леры.

Весело болтающая что-то единорожка проследила взгляд Виктора, и улыбка сползла с мордочки. Оба притихли, а Лире, похоже, кусок перестал лезть в горло. Особенно после того, как мимо прошла молодая женщина в мехах. Единорожка встретила с ней глазами и чуть не поперхнулась: на молодом лице поблёскивали глаза злобной старухи. Лира ещё не могла это знать, но здесь в Шпилях, nanoомоложение было обычным делом. Да что там, деду самого Виктора было уже лет сто пятьдесят, и точный возраст патриарха семьи Стюартов давно уже никто не помнил.

Настроение пропало у обоих. Впрочем, Виктор давно ожидал чего-то такого.

— Помнишь, я сказала, что опера напоминает мне Кантерлот? — спросила единорожка, и Вик кивнул, — Угадай, почему я оттуда сбежала?

Вик покосился на соседний столик. Вроде бы никто специально не смотрел на человека и пони, но чувствовалось, что затылок просто сверлят чьи-то враждебные взгляды. Многие люди недолюбливали синтетов, и хотя в Гигаполисе не было принято выказывать подобное отношение открыто, что-то чувствовалось. Словно зловещий шепоток на грани слуха, случайно брошенный взгляд, дуновение холодного ветерка...

— Полагаю, из-за того, что там нельзя быть самим собой? — спросил парень, отпивая чай. На блюде сиротливо лежал недоеденный кусочек торта, а рядом медленно оседала витая пирамидка мороженого.

— Угу, — кивнула пони, скосив глазищи куда-то в сторону, — давай уйдём?

— А как же сладости? — натянуто улыбнулся Вик, окинув взглядом блюдо, — Пропадут же.

Единорожка выдавила точно такую же улыбку, после чего сказала:

— Знаешь что... а давай вообще уйдём? И заберём с собой пирожные.

— ...И пусть всем будет стыдно! — подхватил тон единорожки Виктор, чувствуя себя фрондерствующим школьником, решившим сделать что-то назло занудным взрослым.

...Пока они шли к парковке флаеров, Лира улыбалась и хихикала, держа пакет с пирожными полем телекинеза. Они с Виком шуточно пихались на ходу, оба чувствуя себя балующимися детьми.

Виктор внезапно понял, что ни с кем из знакомых так не смог бы. Это было всё равно что вернуться в беззаботное детство, где можно дурачиться и делать весёлые глупости просто потому что хочется. Когда он оглядывался назад, прошлое одиночество казалось настолько чудовищным, что в спину будто тянуло промозглым сквозняком.

Мысли Леры были сходны, однако взгляды некоторых людей, изредка мелькавшие на краю зрения, её пугали. Взгляды, полные презрения и даже ненависти. Но страшнее всех были старые глаза на молодых лицах, исполненные такого холода, что их взгляд казался осязаемым.

В качестве сравнения вспоминалась школьная страшилка о Тонком Пони и иссушенных душах из глубин Вечнодикого леса.

Но страхи в этот вечер отступили перед незамутнённым весельем, взаимным доверием и как знать, возможно, началом настоящей дружбы между человеком и пони...

<http://tl.rulate.ru/book/82033/2552509>